

Если подумать, кто и с кем встречался, преодолевая географические и политические расстояния, придется признать: эти вечера были большим достижением. Можно было лишь надеяться, но нельзя было рассчитывать на столь непринужденную, дружелюбную беседу, столь очевидное взаимное восхищение. Фрост выступил по телевидению со словами благодарности: “Перед тем как что-то сказать о поэзии, я хочу поблагодарить моих гостеприимных хозяев за дружбу и за то время, что мы с ними так хорошо провели”. “Обмен поэтами полезней, чем разговор дипломатов, — добавил он однажды утром, перед тем как получил приглашение встретиться с Хрущевым, — он сближает родственные души”.

Фрост встречался с людьми своего поколения и своего склада. Семидесятилетний Константин Паустовский был видным русским писателем, крупнейшим, как многие считали, независимо мыслящим современным прозаиком. За год до этого он побывал в Италии. Трудной зимой 1962/ 63 годов он смело выступит в защиту современной русской литературы против ее хулителей, поборников жесткой цензуры. Фрост и Паустовский дружелюбно беседовали через переводчиц. Когда дамы начинали тараторить особенно громко, Фрост, пожав плечами, отстранялся с кислой миной, просил коротко изложить суть сказанного, ел что-нибудь, затем беседа снова увлекала его. Они с Паустовским говорили о своих писательских привычках, о ценностях, которые они отстаивали в своем творчестве. Фрост упомянул о необходимости уединения и независимости. Паустовский сказал, что у него есть домик в лесу, где он, как Торо у озера Уолден, остается наедине с природой.

Его домашние внимательно слушали. Жена и дочь разносили еду. В разговоре участвовал старый друг Паустовского. Это был С. М. Алянский, специалист по истории искусства, основавший